

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2024), 242–255
© The Author(s) 2024

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2024), 242–255
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.18503/1992-0431-2024-3-85-242–255

БЕРЛИНСКИЕ СТАЖИРОВКИ Н.Д. ФЛИТТНЕР В 1909–1914 гг.: СТУДЕНЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Е.В. Аброськина

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: evgeniia.abroskina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2960-5658

Статья посвящена берлинским стажировкам отечественного египтолога Наталии Давидовны Флиттнер (1879–1957) в период с 1909 по 1914 гг. Основными источниками послужили ранее неизвестные части ее «Воспоминаний» (из бывшего собрания А.Т. Шахтахтинской). Благодаря новым архивным поступлениям, автору статьи удалось реконструировать и описать существовавшую в конце XIX – начале XX в. образовательную традицию – берлинские стажировки востоковедов. Анализируется студенческая повседневность и процесс обучения участников кружка петербургского египтолога Б.А. Тураева: И.М. Волкова, А.Л. Коцейовского, В.В. Струве. Будучи участницей подобных поездок, Н.Д. Флиттнер подробно описывает, каким образом был устроен студенческий быт и организованы занятия, дает подробные психологические характеристики своим преподавателям – А. Эрману, К.Ф. Леман-Хаупту, Г. Мёллеру и др. На протяжении обучения важным процессом было также выстраивание горизонтальных связей между студентами, что позволяло говорить о единой исследовательской школе А. Эрмана. К ней принадлежали российские и зарубежные ученые (Б.А. Тураев, И.М. Волков, А.Л. Коцейовский, В.В. Струве, П.Дж. Бойлан, С. Йорк Стивенсон, А. Херц). Особое внимание уделено изучению влияния политического контекста как на процесс обучения в Берлине, так и на написание «Вос-

Данные об авторе. Евгения Вячеславовна Аброськина – научный сотрудник ИВИ РАН, младший научный сотрудник Отдела Востока ГЭ.

Публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого РНФ «Культура истории и истории культуры: основные аспекты эволюции историко-культурных исследований в СССР в 1931–1941 гг.», № 22-28-00052.

поминаний». Анализируются две существующие в тексте эго-документа темпоральности – одна принадлежит предвоенному времени в Берлине, другая – периоду блокады Ленинграда, когда Н.Д. Флиттнер начала упорядочивать собственные дневниковые записи и создавать текст «Воспоминаний».

Ключевые слова: египтология, Н.Д. Флиттнер, Б.А. Тураев, И.М. Волков, А. Эрман, берлинские стажировки

И радостно мне было думать о том, что скоро я буду опять дома,
и грустно было мне расставаться с Берлином, где я так хорошо ужилась
и где я так много получила, я – внучка этой страны...
(Н.Д. Флиттнер, «Воспоминания», Папка 1. С. 98)

В центре нашего исследования эго-документ – «Воспоминания» египтолога Наталии Давидовны Флиттнер (1879–1957), которые уже становились предметом научного интереса¹. Одна часть текста хранится в Архиве Государственного Эрмитажа (далее – АГЭ), другая – в частном собрании А.Т. Шахтагинской. Материалы, хранящиеся в АГЭ, при работе с ними оставляли ощущение незавершенности мысли автора «Воспоминаний»: так, большая часть текста посвящена разрозненным детским и юношеским воспоминаниям о жизни в Коломне и Перкьярви, обучении в Николаевском институте и на Высших женских курсах². Что же касается обучения в университете, работы в Эрмитаже, то об этом упоминалось вскользь, а о чем-то – например, о заграничных поездках – не говорилось вовсе. Однако в 2023 г. нам удалось познакомиться с материалами из собрания А.Т. Шахтагинской. Наибольший интерес представляли две папки, содержащие текст «Воспоминаний» о трех берлинских поездках Н.Д. Флиттнер в 1909, 1912 и 1914 гг.³. Известно, что традиция берлинских стажировок была важной образовательной практикой для отечественных востоковедов в конце XIX – начале XX в.⁴. Одним из первых на такую стажировку отправился египтолог Б.А. Тураев, а вслед за ним его ученики – Н.Д. Флиттнер, И.М. Волков, В.В. Струве и А.Л. Коцейковский. Подобные поездки являлись важным этапом в процессе профессионального становления исследователей. Следует отметить, что такая образовательная практика была свойственна не только для студентов Петербургского университета: довоенный Берлин был центром научного знания для ученых со всего мира. Особенное значение придавалось «обучению у известных профессоров»⁵, которые распространяли собственные научные идеи и подходы за пределы Германии. Будучи учеником и наследником исследовательской традиции берлинской школы Адольфа Эрмана, Б.А. Тураев стремился направить к нему своих студентов.

¹ Воробьева 2015, 9–34; Секенова, Пушкарева 2021, 132–153; Аброськина 2022, 373–389.

² Подробнее см. Аброськина 2022.

³ В первой папке, которую мы будем обозначать как «Папка № 1», находятся воспоминания о 1909 и 1914 гг., во второй («Папка № 2») – о 1912 г. Мы также сохраняем авторскую числовую пагинацию.

⁴ См. подробнее: Томашевич 2011, 264–268.

⁵ Карнаух 2015, 140.

Как пишет Н.Д. Флиттнер: «Жаль мне, что «политика» не дала возможности помянуть достойно большого ученого, создавшего ведь и нашу школу: Тураев был многолетним учеником его, Струве, Волков, Коцейовский слушали его; о себе, как об ученице его, не говорю или, вернее, хотела бы сказать многое о том, какой большой след оставил он по себе в моей памяти, не как учитель только, но и как человек»⁶.

Однако, несмотря на то, что исследователям было известно о берлинских стажировках, подробного описания их в отечественной историографии не было. «Воспоминания» Наталии Давидовны проливают свет на то, как была устроена студенческая повседневность в Берлине, как проходило обучение, каким образом выстраивались горизонтальные связи между студентами, как влияла политическая обстановка на процесс обучения и на самопознание молодых ученых. Следуя предлагаемой Г. Янке концепции, мы бы хотели также акцентировать внимание не только на описании берлинской повседневности, но и на том, в каком историческом и политическом контексте создавались эти «Воспоминания». В отличие от дневниковых записей, которые Наталия Давидовна вела непосредственно в Берлине и которые стали основой для повествования, сам текст был написан гораздо позднее – в блокаду⁷. Автор называет несколько причин для написания «Воспоминаний»: поручение матери, желание сохранить семейную историю для подрастающих племянников, сформировать правдивое высказывание о себе, выразить собственные мысли. Несмотря на то, что ей удалось встроиться в советскую действительность, как исследователь Н.Д. Флиттнер была сформирована в дореволюционной образовательной традиции, ее умышленный уход в тень и занятия «надстроечными сюжетами» позволяли ей сохранить собственную идентичность в условиях стремительных политических перемен. «Воспоминания» имели «исповедальный»⁸ характер, при помощи этого текста автор стремилась не только реконструировать события прошлого, но и выразить себя в условиях того настоящего, которое окружало ее. Так, она размышляет о своих берлинских документах, которые сохранила: «Много-много раз за эти последние тяжелые годы, вынимая пакет моих документов, я спрашивала себя, не сжечь ли их лучше? И каждый раз рука не поднималась. Почему бы мне надо было уничтожать их? Что изменилось? Ни Эрман, ни Мейер, ни Леман-Хаупт не перестали быть крупнейшими учеными своего времени, времени до мировой войны. Что преступного было в том, что я стала их ученицей и студенткой Берлинского университета?»⁹.

На наш взгляд, введение в научный оборот новых архивных материалов позволит решить сразу несколько задач. С одной стороны, микроисторический анализ «Воспоминаний» позволит реконструировать и описать сложившуюся интеллектуальную практику, послужившую формированию единой научной традиции, которая существовала в Петербурге и Берлине в конце XIX – начале XX в. С другой стороны, при помощи выбранного текста мы попытаемся взглянуть на период

⁶ Папка № 1. С. 101.

⁷ Папка № 1 датируется 06.11.1943, у папки № 2 отсутствует датировка, однако можно определить по тексту, что она также содержит текст 1940-х гг.

⁸ Термин, введенный П. Берком (Burke 1997) относительно классификации эго-документов.

⁹ Папка № 1. С. 27.

советской истории, когда создавались «Воспоминания», рассмотрим, каким образом этот контекст влиял на создание текста¹⁰.

БЕРЛИНСКИЙ БЫТ И НАЧАЛО ОБУЧЕНИЯ

Жизнь в Берлине была насыщена научными занятиями и бытовыми хлопотами, которые подробно описывает Н.Д. Флиттнер. По приезду в Германию студенту было необходимо найти квартиру, недорогие места для питания, обменять деньги. Учебные хлопоты включали в себя имматрикуляцию – подачу документов, прием у главы Берлинского университета, получение студенческой карточки, а также знакомство с профессорами. Большую часть забот брал на себя Б.А. Тураев, бывавший в Берлине и обладавший различными полезными знакомствами. Так, из «Воспоминаний» Наталии Давидовны становится ясно, что и в первый, и во второй свой приезд¹¹ она снимала комнату у госпожи Мухс, где годами ранее жил сам Б.А. Тураев¹². Эта квартира на Шиффбауердамм 17 обладала массой достоинств, особенно хорошим было ее местоположение: *«Нельзя было удачнее выбрать места: в центре шумного города, но на тихой набережной, в четверти часа ходьбы и от Университета, и от библиотеки, и от всех моих музеев»*¹³. Занятия в университете начинались рано: *«Вскакиваешь утром спозаранку – ведь в 7 ч. начинаются лекции, а мне надо еще быстро убрать комнату, вынуть цветы из ведра, где они у меня хранились ночью, погруженные «по горло» в воду, поставить их в вазы, мне надо позавтракать, надо еще и еще раз проглядеть за чашкою кофе очередной текст Пирамид для Эрмана или отрывок папируса для Мёллера – поневоле вскочишь в 5 утра»*¹⁴. В этой же квартире в 1912 г. снимал комнату другой участник «тураевского кружка» – Иван Михайлович Волков. В его письмах к Б.А. Тураеву сохранились воспоминания об этом: *«От моего недомогания совсем оправился и чувствую себя вполне здоровым, берлинский климат пришелся по мне. Госпожа Мухс оказывается прекрасною хозяйкою по отношению ко мне: оказывает очень много внимания, заботится о всех, касающихся меня, хозяйских мелочах. Комнату топим через день, и у меня тепло»*¹⁵. Наталия Давидовна в своих «Воспоминаниях» упомянула, что это соседство позволяло им вместе гото-

¹⁰ За границами нашего исследования остался гендерный подход: тема женского письма и женских автобиографий играет важную роль в исследованиях эго-документов. Однако мы умышленно избегаем данного фокуса по той причине, что сама Наталия Давидовна неоднократно подчеркивает в своих воспоминаниях нежелание разделять мужской и женский опыт, отмечая важность каждой персоны, прежде всего, как человека, вне зависимости от его пола.

¹¹ В 1914 г. Наталия Давидовна, не имея возможности остановиться у госпожи Мухс, обратилась за помощью к В.В. Струве, находившемуся в Берлине вместе с А.Л. Коцейовским. Он порекомендовал ей комнату в районе Штеглиц, где неподалеку находился дом А. Эрмана.

¹² В своем письме О.Э. Лемму 25 апреля 1895 г. Б.А. Тураев пишет: «По приезду в Берлин в конце Пасхальной недели мне пришлось по приисканию квартиры, в чем мне помог много здешний многоуважаемый протоиерей [видимо, А.П. Мальцев – О.Т.], приняться за хлопоты и формальности, необходимые для получения права на жительство и обязательные для нас – русских – только». Цит. по: Томашевич 2002, 327.

¹³ Папка № 1. С. 15.

¹⁴ Папка № 1. С. 33–34.

¹⁵ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.

виться по утрам в коридоре, разделявшем их комнаты, что несколько осуждалось хозяйкой квартиры.

Занятия Н.Д. Флиттнер начались со знакомства с Адольфом Эрманом. Как и в случае с арендой квартиры, Борис Александрович заранее уведомил своего учителя и коллегу о прибытии Наталии Давидовны. Важно подчеркнуть, что она была первой из его студентов, приехавших в Берлин на обучение. Так, И.М. Волков прибывает в Берлин в 1911 г., а В.В. Струве и А.Л. Коцейовский – в 1914 г. Знакомство с А. Эрманом состоялось в Новом музее, где располагался Египетский отдел. Н.Д. Флиттнер так описывает свой первый визит: *«Вхожу в залы и тихо ахаю от восторга. Египетский дворик с верхним светом – мне навстречу смотрит желтоликая Хатшепсут, цветные иероглифы змеятся по стволам папироформных колонн, поддерживающих крышу галереи <...> Зеленая саусская голова – вот она какая! Касаюсь осторожно зеркально-гладкой поверхности удивительной скульптуры, бегло провожу пальцами по выпуклостям черепной коробки – до чего он прекрасен, этот египетский старик! А папирусы! Нельзя же пройти мимо! Ведь вот он, Синухет, пробный камень иероглифики для меня! Иератического текста я еще не читала, но он вовсе не труден – я разбираю почти все»¹⁶.*

Знакомство с самим А. Эрманом Н.Д. Флиттнер описала весьма подробно, передавая дословно диалоги на немецком языке: *«– Так-так! Итак, это госпожа Флиттнер, которую я ждал некоторое время» – весело и громко приветствует меня невысокого роста пожилой господин, вставая из-за стола у окна, заваленного книгами. «– Я уже получил письмо от профессора Тураева... Вы хотите у меня работать?» Эрман закидывает меня вопросами, внимательно разглядывая через толстые стекла очков. От его громкого веселого голоса и от простой манеры обращаться проходит вся моя застенчивость, и я обстоятельно и спокойно рассказываю о занятиях у Тураева, о том, что мы – ученики Бориса Александровича – успели сделать у него. Разговор переходит незаметно в настоящий экзамен. Эрман хватая со стола первую попавшуюся книгу, открывает страницу: «– Тогда прочитайте это». Текст знакомый, читаю свободно, на вопросы по грамматике отвечаю правильно. «– У вас был хороший учитель», – удовлетворенно констатирует Эрман»¹⁷.*

Трудно переоценить значение научной работы А. Эрмана, однако, благодаря «Воспоминаниям» Н.Д. Флиттнер, мы имеем возможность также узнать, каким он был преподавателем и человеком, что может стать одним из «ключей» к пониманию популярности «школы Эрмана» по всему миру. Наталия Давидовна дала подробную характеристику А. Эрману на протяжении своего текста, останавливаясь на том, каким образом были выстроены занятия, что в них входило: *«Поработав у Möller-a, посидев в греческом отделе, я торопилась обратно «в Египет» к Эрману. Ни у кого, кажется, не бывало таких веселых и «уютных» занятий как у него, и ни один из профессоров не умел придать им характер именно «совместной» работы»¹⁸. Похожие характеристики дает А. Эрману и И.М. Волков: «Эрман же прямо обворожителен. Такой простой, внимательный, терпеливый по отноше-*

¹⁶ Папка № 1. С. 18.

¹⁷ Папка № 1. С. 21.

¹⁸ Папка № 2. С. 42.

нию к своим слушателям, от которых часто слышит почти детский лепет в ответ на свои вопросы. Его лекции глубоко интересны и содержанием, и формой»¹⁹.

Основной блок занятий представлял собой изучение древнеегипетского языка, чтение и перевод текстов. Эти лекции и семинары проходили в Берлинском университете, в аудитории № 52. В музее два раза в неделю А. Эрман вел занятия по музейному делу: «*Эрмановские Museumsführungen* напоминают мне не столько лекции в Эрмитаже Веселовского, сколько занятия у Штернберга²⁰ в Этнографическом музее. Жизнью живой веет от рассказов Эрмана, вещи в витринах перестают быть музейными экспонатами, а как-то просто и легко вдвигаются в обстановку и быт самой страны»²¹. Занятия в музее А. Эрман сопровождал не только демонстрацией артефактов, но и знакомством студентов с практической стороной музейной работы, например, с реставрацией: «*На занятиях в музее Эрман, прежде чем перейти к чтению папирусов, знакомит нас наглядно с тем, какой сложной обработке подвергается папирус, прежде чем попадет под стекло и на экспозицию. Подымаемся на самый верх музея. Там есть вышка, вся стеклянная, вся светлая. Посредине огромный стол, на столе – пинцеты, иглы, лупы, стекла. У стола, согнувшись над ним сосредоточенно, мастерит что-то невзрачный человечек – реставратор папирусов <...> Скромный Ибшер действительно суций “Zausendkünstler” [мастер на все руки], и его реставрации – настоящее чудо терпения и тонкого умения. Ибшер не знает египетского языка, он не знает иероглифов. Ибшер знает только иератику, знает «руку» разных писцов, а больше и лучше всего он знает папирус, самый материал, эту бумагу египтян. Он знает структуру его волокон, направление их, малейшее отклонение их от нормы. Перед ним стоят ящики с крошевом Кахунских папирусов, лежит большой лист стекла. Ибшер пинцетом извлекает осторожно из ящика отдельные клочки, кладет их на стекло и – клочок к клочку – руководствуясь волокном обрывка, остатками знаков, подбирает и составляет по частям весь папирус, накладывает на него покровное стекло и сдает его на проверку тем, кто знает язык – Эрману, Мёллеру, Грапову и др.»²².*

В музее же проводит свои занятия и другой известный египтолог – Георг Мёллер, стремившийся увлечь своих студентов работой не только с текстами, но и с подлинными музейными артефактами. Так, Наталия Давидовна описала комичную ситуацию, которая произошла в 1912 г., когда они с И.М. Волковым занимались у Г. Мёллера в компании немецких студентов: «*в одно знаменательное утро [Г. Мёллер] с торжественным видом извлек из витрины большой остракон, испитый с двух сторон. На правах иностранцев мы с Ив. Михайловичем старались вести себя скромно и не лезть вперед, предоставляя инициативу берлинцам; наши компаньоны, однако, нерешительно мялись, несмотря на поощрительные замечания Möller'a: «– Мужественнее, мужественнее, господа, это не будет стоить вам головы». «– Ну, Наталья Давидовна», – сказал вдруг Волков по-русски, – «не*

¹⁹ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.

²⁰ Интересно, что Наталия Давидовна сравнила А. Эрмана с этнографом Львом Яковлевичем Штернбергом, чьи занятия она посещала уже после Октябрьской революции, готовя различные экскурсии по музеям Ленинграда, в том числе – по Музею этнографии и антропологии.

²¹ Папка № 1. С. 51.

²² Папка № 1. С. 98–99.

посралим земли русской – берите-ка текст. Ведь эти олухи Царя Небесного не раскочаются во веки веков»²³.

Помимо занятий у А. Эрмана и Г. Мёллера Наталия Давидовна отметила лекции Эдуарда Мейера – крупнейшего историка, специалиста по египтологии. Эти занятия проходили не в музее, а в университете. Автор акцентировала внимание на особой манере преподавания Эд. Мейера, которая, по ее мнению, была лишена «погоны за эффектами»: *«он просто, деловито – “sachlich” [по делу] – сообщает то, что ему самому кажется так просто и понятно, так интересно; вот вчера еще он обдумал все это, сидя вечером за своим письменным столом, а сегодня он торопится сообщить свои домыслы желающим послушать»²⁴.* Н.Д. Флиттнер сравнивала лекции Эд. Мейера с лекциями С.Ф. Платонова и А.А. Шахматова, которые она слушала ранее в Петербурге в университете и на Высших женских курсах. Она нашла схожей манеру подавать материал с «невероятной простотой» и «безыскусственностью речи», за которыми *«чувствуется такой фундамент знания, такая незыблемость исторического построения, что невольно теряешь всякую способность критического раздергивания и просто и безусловно подчиняешься схемам большого ученого. До чего просто все действительно великое!»²⁵.*

Историю Ассирио-Вавилонии и греко-персидских войн Наталия Давидовна слушала у Карла Фридриха Лемана-Хаупта – также крупнейшего специалиста-востоковеда. Как и при описании других преподавателей и коллег, Н.Д. Флиттнер стремилась создать портрет человека: *«Невысокого роста, элегантный господин в высоком цилиндре, который он вешает поверх своего летнего пальто на вешалку рядом с кафедрой (новая для меня берлинская манера тоже – раздеваться в аудитории!), встречает меня также приветливо, как и Эрман»²⁶.* С К.Ф. Леман-Хауптом у Наталии Давидовны сложились такие же теплые и дружеские отношения, как и с А. Эрманом: она нередко гостила в кругу его семьи в Берлине. Тем замечательнее их внезапная встреча, произошедшая уже в СССР в 1938 г., которую Н.Д. Флиттнер подробно описывает. Известный ассириолог был приглашен прочесть цикл лекций в Армении, а на обратном пути в Германию он решил побывать в Эрмитаже. О том, что К.Ф. Леман-Хаупт приехал в Россию, Н.Д. Флиттнер знала, но не подозревала, что он придет и в Петербург. В один из дней ее вызвали в приемную директора И.А. Орбели, где ей было передано поручение *«встретить на другой день каких-то иностранцев и проводить их по Эрмитажу»²⁷.* На следующий день она пришла на встречу: *«В вестибюле сидели около входа белый, как лунь, старичок с палочкой, такая же старая дама рядом с ним и молоденькая барышня <...> Секунду мы смотрели друг на друга недоумевающими глазами, а в следующую секунду, к удивлению сторожей, все трое обнимались – я в седеньком старичке узнала своего берлинского профессора Л.-Хаупта, в старой даме – его жену, а они оба, несмотря на мою тоже совершенно белую голову, узнали*

²³ Папка № 2. С. 42.

²⁴ Папка № 1. С. 36.

²⁵ Папка № 1. С. 36.

²⁶ Папка № 1. С. 37–38.

²⁷ Папка № 1. С. 39.

бывшую студентку-ученицу его, которую оба они так приветливо встретили в былые дни»²⁸.

Важность этой встречи заключалась в том, что для Наталии Давидовны это была возможность обсудить свои исследовательские находки в области истории искусства Двуречья, которые она «накопила себе в тиши своего полного одиночества»²⁹. Она поделилась с К.Ф. Леман-Хауптом, что на протяжении нескольких лет занимается почти исключительно Передней Азией, что вызвало большой интерес у профессора: «Су щим праздником были для меня те несколько часов, которые мне пришлось провести в подробнейшем просмотре наших эрмитажных памятников Ассири-Вавилонии с моим старым учителем. Просмотр? Да это для меня было су щим экзаменом, проверкой <...> С юношеской горячностью старик роется, разглядывает, спорит, слушает и возражает, слушает и соглашается, и снова роется в моих цилиндрах, экзаменует меня, смеясь повторяет: «Да, я тебе сразу скажу, ты моя ученица! Как меня это радует!»³⁰. Эта встреча стала важным событием для процесса становления Н.Д. Флиттнер как специалиста по истории и искусству Двуречья.

УЧЕНИКИ ШКОЛЫ А. ЭРМАНА

Обучение в Берлинском университете принесло не только знакомство с преподавателями, но и формирование (и укрепление) связей между слушателями лекций по египтологии. Так, одной из важнейших встреч для Наталии Давидовны стала встреча с ирландским египтологом и священником Патриком Джозефом Бойланом (1879–1974), которого она в своих «Воспоминаниях» называет сокращенно «Бойль». Начиная с 1904 г. он был слушателем Берлинского университета, занимался изучением арабского, персидского, русского языков, под влиянием Германа Юнкера также присоединился к курсу древнеегипетского языка А. Эрмана, впоследствии опубликовав такие работы, как «Тот», «Гермес Египта»³¹. Наталия Давидовна познакомилась с Бойланом в 1909 г., во время своего первого семестра в Берлине. Спустя много лет, в «Воспоминаниях» она описала его так: «И все снова, и снова поражаюсь я, как много и как живо знает этот человек, сколько в нем энергии, жизни, широкого теплого отношения к людям и к миру <...> после каждого нашего разговора я все снова думаю, что хотела бы стать таким человеком как он и что хотела бы оправдать его доброе мнение обо мне»³². Во время второго семестра в 1912 г. «Бойль» и Иван Михайлович Волков стали основным окружением для Наталии Давидовны: она описывала их долгие разговоры на самые различные темы, включающие философские вопросы, литературу, религию. Сложившаяся за границей дружба и грядущий отъезд заставляли Н.Д. Флиттнер острее ощущать значимость этого научного товарищества, частью которого ей удалось стать: «Говорим [с Бойланом] об Епиктете и Марке Аврелии, которых

²⁸ Папка № 1. С. 39–40.

²⁹ Папка № 1. С. 40.

³⁰ Папка № 1. С. 43.

³¹ Cathcart K.J. Boylan, Patrick Joseph. Dictionary of Irish Biography: URL: <https://www.dib.ie/biography/boylan-patrick-joseph-a0841>.

³² Папка № 2. С. 93.

мы оба знаем хорошо, говорим о Спинозе – одном из моих любимых мыслителей, – да не припомню я всех их, писателей, философов, поэтов, художников, о которых шли у нас разговоры, а подчас и горячие споры в эти последние дни... Д-да... Вот этого у меня в Петербурге не будет...»³³. И Н.Д. Флиттнер, и И.М. Волков во время своего обучения старались помочь П.Дж. Бойлану с изучением русского языка, который был необходим ему не только из-за желания расширить свой кругозор, но и из-за конкретной потребности ознакомиться с работами Б.А. Тураева, в частности – с его магистерской диссертацией о боге Тоте: *В музее, в немногие свободные минуты я помогала Бойлю разбираться в Тураевской диссертации «Бог Тот»*; Бойль собирал материалы для своей собственной работы о боге Тоте и заодно хотел познакомиться хотя бы с азами русского языка³⁴. Вспоминает об этом и И.М. Волков, правда, несколько с другим отношением: *Ксендз Бойль, пишущий о Тоте, опять приехал в Берлин. Из Вашей работы он, по моему убеждению, черпает полную горстью: и сам кое-как читает, и г-жа Флиттнер ему в свое время переводила, и я тоже немного перевожу. Но, как кажется мне, он в конце концов схитрит по-ксендзовски и едва-ль должным образом отблагодарит в печати Вас, как автора «Бог Тот»*³⁵. Дружеское общение между Н.Д. Флиттнер и П.Дж. Бойланом продолжилось и во время ее последнего семестра в Берлинском университете в 1914 г.

Во время обучения у Наталии Давидовны завязалась дружба с польской исследовательницей Амелией Херц (1878–1942/1943): *«У Эрмана на его практических занятиях египетским языком появилась высокая, полная брюнетка, вероятно, моего возраста примерно. Мне она понравилась своей внешностью. Одета всегда очень просто, но с какой-то привычной, скромной элегантностью, почти всегда в очень скромном, «легком» черном платье («точно в трауре», отметила я про себя), она и держалась с такой же элегантной простотой человека, привыкшего к хорошему обществу. По-немецки она говорила безукоризненно, но в говоре ея мне все слышался не акцент даже, а какой-то «привкус» другого языка»*³⁶. Амелия Херц была студенткой Берлинского университета на протяжении четырех лет (с 1908 по 1912 гг.), позднее стажировалась в Школе Лувра в 1913 г. После Первой мировой войны она вернулась в Варшаву, где читала лекции по истории письменности, истории древних цивилизаций Ближнего Востока, состояла членом Польского восточного общества. Иоахим Слива, автор биографии А. Херц, утверждал, что «в период между мировыми войнами, в 1930-х гг., Амелия Херц была единственным польским исследователем, интересовавшимся предысторией и ранними периодами истории Египта и его отношениями с Ближним Востоком»³⁷. За свою работу она получила международное признание, в том числе «медаль отличия Сорбонны за расшифровку сложного папируса Е»³⁸. К сожалению, ее судьба сложилась трагически: будучи еврейкой, Амелия Херц была арестована и убита в тюрьме Павьяк в Варшаве в период 1942–1943 гг.

³³ Папка № 2. С. 101–102.

³⁴ Папка № 1. С. 106–107.

³⁵ АГЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 17.

³⁶ Папка № 2. С. 32.

³⁷ Śliwa 2012, 455.

³⁸ Kosicka 2003, 99.

Дружба и совместная работа с А. Херц нашла свое отражение в «Воспоминаниях» Наталии Давидовны: *«уговорились сегодня с Hertz взяться совместно за обработку древнейших египетских текстов, т.е. за ту работу, которую предлагал мне Эрман. В возможность осуществления «сборника», проектируемого им, мне мало верится, но ведь и для экзамена – где бы мне ни пришлось держать его, в Петербурге или все-таки в Берлине – я намеревалась специальным вопросом взять древнейший Египет. А Hertz, с ея Месопотамией, могла бы стать мне отличным компаньоном»*³⁹.

На курсах Наталия Давидовна познакомилась и с Сарой Йорк Стивенсон (1847–1921) – американским египтологом. К моменту появления у А. Эрмана она уже была весьма известной специалисткой, одним из создателей и куратором Музея археологии и антропологии Пенсильванского университета (1890–1905), занималась приобретением предметов для коллекции (в частности, она приобрела первый папирус для музея). Н.Д. Флиттнер так описала их встречу в университете в 1912 г.: *«На другой день я отправилась из Библиотеки к 11 часам в Университет; пришла я рано – аудитория была еще пуста. Через минуту вышла еще дама, немолодая, судя по внешности. Осведомилась, здесь ли будут занятия у Эрмана. По акценту я решила, что она англичанка. Разговорились, представившись друг другу, и сразу рассмеялись: «Стивенсон, из Америки», – сказала она. «Флиттнер, из России», – представилась я»*⁴⁰.

Наталия Давидовна назвала всех своих сокурсников и товарищей учениками школы А. Эрмана: *«Мы все были учениками Эрмановской школы с ея мировой славой, мы эту славу должны были нести дальше, мы все должны были, каждый по разумению своему и по способностям своим, развивать дальше его дело, его наука, его школа была великим интернациональным делом – вот чем была она!»*⁴¹.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ГЕРМАНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

За время своего пребывания в Берлине в 1909, 1912 и 1914 гг. Н.Д. Флиттнер оказывалась свидетельницей ряда исторических событий, которые позднее в своих «Воспоминаниях» она стремилась проанализировать. Так, в 1909 г. она случайно оказалась свидетелем отъезда императора Вильгельма II в Шхеры: *«Вильгельм шел немного впереди, за ним шли кронпринц и кронпринцесса в большой шляпе со страусовыми перьями. Император, отвечая на поклоны, прикладывал руки к фуражке. Поклонилась и я, когда он прошел вплотную мимо меня. Успела схватить беглое впечатление от несколько сурового взгляда больших светлых глаз, от строго военной выправки и от строгого же общего облика его фигуры в прусском военном мундире. Лицо его мне показалось красивым и значительным»*⁴². Позднее, в процессе работы над «Воспоминаниями», Н.Д. Флиттнер отметила: *«Не могла я тогда, в 1909 г., предвидеть трагической развязки царствования и жизни Вильгельма II, но я и теперь не жалею, что видела «эту фигуру», видела в*

³⁹ Папка № 2. С. 52.

⁴⁰ Папка № 2. С. 8.

⁴¹ Папка № 1. С. 102–103.

⁴² Папка № 1. С. 83

его лице и тот большой отрезок мировой истории, в которой ему было суждено сыграть роль»⁴³.

Другим значительным и трагическим событием, свидетелем которого стала Н.Д. Флиттнер, было начало Первой мировой войны. Она подробно описывает то, что предшествовало началу войны, отмечая собственное непонимание всей серьезности сложившейся ситуации, свойственное ей в то время: «С чувством некоторого беспокойства думала я о предстоящих днях до конца семестра. Hertz уехала, Струве уезжает <...> A Möller, как нарочно, объявил, что занятия демотикой поведет в Музее ежедневно. То-то весело будет! Смутное впечатление оставили у меня последние две недели жизни в Берлине. Это был самый канун войны, но только потом уловила я смысл многих признаков надвигающихся событий. Не была ли болезнь невестки Амелии фиктивной? Почему Möller так гнал свой курс? Почему спросил он меня вдруг, подписывая мой зачетный листок: «Их тоже мобилизовали?». «Нет... что?» – удивилась я и вопросу его, и невеселому смешку»⁴⁴. Мобилизация стала одним из тех мрачных событий, которые сопровождали ее воспоминания о семестре 1914 г. Анализируя позднее, почему Г. Мёллер так торопился завершить свой курс по демотике, Н.Д. Флиттнер пишет: «Я не знала тогда, что мобилизация в Германии шла уже полным ходом, что Möller был уже призван... (Гораздо позже, по окончании войны уже, я узнала о том, что Möller был убит; с ним погиб лучший знаток египетской палеографии, особенно демотики, и хороший, добрый и культурный человек)»⁴⁵.

Воспоминания о событиях, предвосхищавших начало Первой мировой войны, резонировали с теми тревожными, блокадными днями, которые автор проводила за написанием текста. Рассуждая о значимости эрмановской школы, она подчеркнула: «И это ее огромное значение я смогла оценить в полной мере только теперь, когда моего учителя не стало больше на свете, и когда безумная политика недоучки-Гитлера погубила и великую интернациональную культуру Германии, и самую-то Германию и опозорила, и погубила...»⁴⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Давая подробное описание своей жизни в Берлине, Наталия Давидовна сомневалась в уместности этого: «Не сделала ли я ошибки, описывая так подробно мои случайные встречи в Берлине, моих мимолетных гостей, мои развлечения между делом? Не создается ли впечатление, что за живым потоком жизни, за прихотливой и случайной игрой его, потерялось вот то основное, ради чего я приехала сюда?»⁴⁷. Анализируя свой текст, автор стремилась не только точно передать события, происходившие в Берлине, но и найти в прошлом причины собственных исследовательских выборов. Так, она задается вопросом, почему ее выбор остановился на изучении истории и искусства именно Древнего Царства? Опираясь на свои записи, Н.Д. Флиттнер делает вывод, что у этого выбора было

⁴³ Папка № 1. С. 84.

⁴⁴ Папка № 1. С. 185–186.

⁴⁵ Папка № 1. С. 186.

⁴⁶ Папка № 1. С. 103.

⁴⁷ Папка № 1. С. 94.

две причины, обе из которых проистекают из ее обучения в Берлине. Она сравнивает свою повседневную берлинскую жизнь, полную впечатлений и знакомств, с «калейдоскопической пестротой Нового Царства»⁴⁸. По прошествии лет она склоняется к мнению, что выбрала этот период «в противовес» тому многообразию, которое несет с собой Новое Царство. Она изображает Древнее Царство как спокойное убежище, которого ей иногда не хватало в насыщенном событиями Берлине. Другой причиной ее выбора стала фигура А. Эрмана, «все занятия которого в этот год были построены на грамматике, на языке, на текстах именно Древнего Царства»⁴⁹. Таким образом, дальнейшие исследования Н.Д. Флиттнер были во многом обусловлены тем временем, которое она провела в Берлине.

Завершая, хотелось бы также отметить, что представленные «Воспоминания» Н.Д. Флиттнер, благодаря насыщенному описанию повседневных студенческих практик, передаче диалогов и рассуждений, становятся не только примером определенного частного опыта, но являются важным источником по истории отечественной науки, они демонстрируют повседневность и процесс профессионального становления небольшой группы исследователей, которые по роду своей деятельности принадлежали сразу двум научным традициям – российской и немецкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аброськина, Е.В. 2022: «Я не строила иллюзий на будущее»: путь женщины-ученого в эпоху больших перемен (по материалам воспоминаний Н.Д. Флиттнер). *Диалог со временем* 78, 373–389.
- Воробьева, Н.Н. 2015: Наталия Давидовна Флиттнер – ученый и педагог. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета* 22, 9–34.
- Карнаух, Н.В. 2015: Совершенствование профессионализма выпускников Дерптского Профессорского института в период зарубежной стажировки. *Профессиональное образование в России и за рубежом* 1 (17), 139–147.
- Секенова, О., Пушкарева, Н. 2021: К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых. *Антропологический форум* 49, 132–153.
- Томашевич, О.В. 2011: Возвращение старинной традиции: стажировка по египтологии в Германии. В сб.: *Почему Германия? Перспективы международного сотрудничества в области науки, образования, экономики и политики: Warum Deutschland? Perspektiven internationalen Zusammenarbeit im Bereich Wissenschaft, Ausbildung, Kultur, Wirtschaft und Politik: сборник докладов участников международной междисциплинарной конференции*. СПб.
- Томашевич, О.В. 2002: Объяснение в любви вместо послесловия. В кн.: *Тураев, Б.А. Бог Тот. Опыт исследования в области египетской культуры*. СПб.
- Burke, P. 1997: *Representations of the Self from Petrarch to Descartes. Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present*. London.
- Cathcart K.J. Boylan, Patrick Joseph. In: *Dictionary of Irish Biography*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.dib.ie/biography/boylan-patrick-joseph-a0841>

⁴⁸ Папка № 1. С. 94.

⁴⁹ Папка № 1. С. 95.

Śliwa, J. 2012: Amelia Hertz (1878–1942/1943) and Her Contribution to the Research on the Beginnings of the Egyptian Civilization. In: J. Kabaciński, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz (eds.), *Prehistory of Northeastern Africa: New Ideas and Discoveries*. Poznań.

REFERENCES

- Abroskina, E.V. 2022: «Ya ne stroila illyuziy na budushchee»: put' zhenshchiny-uchenogo v epokhu bol'shikh peremen (po materialam vospominaniy N.D. Flittner) ["I Had No Illusions about the Future": the Path of a Woman Scholar in an Era of Great Changes (Based on N.D. Flittner's Memoirs)]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 78, 373–389.
- Burke, P. 1997: *Representations of the Self from Petrarch to Descartes. Rewriting the Self: Histories from the Renaissance to the Present*. London.
- Cathcart K.J. Boylan, Patrick Joseph. In: *Dictionary of Irish Biography*. URL: <https://www.dib.ie/biography/boylan-patrick-joseph-a0841>.
- Karnaukh, N.V. 2015: Sovershenstvovanie professionalizma vypusknikov Derptsogo Professorskogo instituta v period zarubezhnoy stazhirovki [Improving the Professionalism of Graduates of the Dorpat Professorial Institute during a Foreign Internship]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional Education in Russia and Abroad]* 1 (17), 139–147.
- Sekenova, O., Pushkareva, N. 2021: K istorii povsednevnogo byta pervykh rossiyskikh zhenshchin-istorikov kontsa XIX — nachala XX v.: dosug i otdykh [On the History of Daily Living of the First Russian Women-Historians in the Late 19th – early 20th century: Leisure and Recreation]. *Antropologicheskii forum [Anthropological Forum]* 49, 132–153.
- Śliwa, J. 2012: Amelia Hertz (1878–1942/1943) and Her Contribution to the Research on the Beginnings of the Egyptian Civilization. In: J. Kabaciński, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz (eds.), *Prehistory of Northeastern Africa: New Ideas and Discoveries*. Poznań.
- Tomashevich, O.V. 2011: Vozvrashchenie starinnoy traditsii: stazhirovka po egiptologii v Germanii [Return of an Ancient Tradition: Internship in Egyptology in Germany]. In: *Pochemu Germaniya? Perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti nauki, obrazovaniya, ekonomiki i politiki [Warum Deutschland? Perspektiven internationalen Zusammenarbeit im Bereich Wissenschaft, Ausbildung, Kultur, Wirtschaft und Politik. Collection of Papers of Participants of the International Interdisciplinary Conference]*. Saint Petersburg.
- Tomashevich, O.V. 2002: Obyasnenie v lyubvi vmesto poslesloviya [Declaration of Love Instead of an Afterword]. In: *Turaev, B.A. Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti egipetskoj kul'tury [God Thoth. Research Attempt in the Field of Egyptian Culture]*. Saint Petersburg.
- Vorobyeva, N.N. 2015: Nataliya Davidovna Flittner — uchenyy i pedagog [Natalia Davidovna Flittner, Scholar and Professor]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University]* 22, 9–34.

N.D. FLITTNER'S BERLIN INTERNSHIPS IN 1909–1914: STUDENT DAILY LIVING AND PROFESSIONAL FORMATION

Evgeniya V. Abroskina

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia**E-mail: evgeniia.abroskina@gmail.com**Acknowledgments: Russian Science Foundation, project no. 22-28-00052*

The article discusses the Berlin internships of Natalia Davidovna Flittner (1879–1957), the Russian Egyptologist, in the period from 1909 to 1914. The main sources for the article were previously unknown parts of her “Memoirs”, which until recently were in the private collection of A.T. Shakhtakhtinskaya. Thanks to new archival acquisitions, the author of the article was able to reconstruct and describe what existed at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries educational tradition – Berlin internships for orientalists. Using a microhistorical approach, the author analyses student daily living and the learning process of members of St. Petersburg Egyptologist B.A. Turaev’s Society: I.M. Volkov, A.L. Kotseyovsky, V.V. Struve. Being a member of such trips, N.D. Flittner described in detail how student life and classes were organized, giving detailed psychological characteristics of her professors – A. Erman, K.F. Lehmann-Haupt, G. Möller and others. Throughout the training, an important process was also the building of horizontal connections between students, which made it possible to talk about a single research school, the school of Adolf Erman. It included both Russian scientists (B.A. Turaev, I.M. Volkov, A.L. Kotseyovsky, V.V. Struve) and scholars from all over the world (P.J. Boylan, S. York Stevenson, A. Hertz). A significant part of the article discusses the influence of the political context both on the process of studying in Berlin and on the writing of the “Memoirs”. The author analyses two temporalities existing in the text of the ego-document: one belongs to the pre-war period in Berlin, the other to the period of the siege of Leningrad, when N.D. Flittner began organizing her own diary entries and creating the text of “Memoirs”.

Keywords: Egyptology, N.D. Flittner, B.A. Turaev, I.M. Volkov, A. Ehrman, Berlin internships

---
